

**Королевская резиденция
Хэмптон-корт
Весна 1543 года**

Он стоит предо мною, крепкий, словно мощный древний дуб, и даже его лицо, испещренное морщинами, излучает свет, словно луна сквозь его верхние ветки. Он наклоняется ко мне, и мне тут же кажется, что это дерево сейчас упадет прямо на меня. Я не двигаюсь с места, не веря в то, что этот человек собирается встать предо мною на колени, так же, как еще вчера стоял предо мною другой мужчина, покрывая мои руки поцелуями. Если эта глыба плоти опустится на колени, его придется поднимать с помощью веревок, как быка, провалившегося в яму. К тому же он вообще ни перед кем не преклоняет колена.

Мне кажется, что он не станет целовать меня в губы — во всяком случае не здесь, не в этой огромной комнате, наполненной музыкантами, через которую снует множество людей. Не может быть, чтобы он пошел на такое здесь, при дворе, живущем по своим вычурным и строгим правилам! Не станет это огромное, похожее на луну лицо приближаться к моему. Я не свожу устремленного вверх взгляда с лица человека, которым некогда так восхищались моя мать и ее друзья, считая его первым красавцем во всей Англии, королем, мечтой всех женщин, и усердно молюсь о том, чтобы не слышать тех слов, которые он только что произнес. Я прошу небеса, чтобы только что сказанное оказалось ошибкой.

А он, нисколько не сомневаясь в себе, ожидает моего согласия.

И тогда я понимаю: с этого мгновения все будет именно так, до самого смертного дня. Он будет ждать моего согласия либо просто продолжит без него. Мне придется выйти замуж за этого мужчину, который навис надо мною, как глыба, выше которой нет никого. Он выше всех смертных, он богоподобен, и только ангелам дозволено не подчиняться ему; он — король Англии.

— Какая неожиданная честь, Ваше Величество, — бормочу я. Недовольно поджатые губы сложились в улыбку. Между губ виднеются желтеющие зубы, и до меня доносится отвратительный запах его дыхания.

— Я не заслуживаю ее.

— Я покажу вам, как ее заслужить, — утешает он меня.

И его улыбка становится игривой, напоминая мне о том, что предо мною стоит самый известный сластолюбец, запертый в стареющем теле, и что мне предстоит стать его женой во всех смыслах этого слова. Он намерен разделить со мною ложе, в то время как я тоскую по другому мужчине.

— Могу ли я помолиться и обдумать это невероятно лестное предложение? — спрашиваю я, отчаянно пытаюсь подобрать достаточно вежливые для этого случая слова. — Оно стало для меня такой неожиданностью, честное слово, Ваше Величество. Я так недавно овдовела...

Кустистые светлые брови сурово сдвинулись на царственном челе: он явно недоволен ответом.

— Вам необходимо время для размышлений? Разве вы не надеялись на такое разрешение вашего дела?

— Ваше Величество, каждая женщина мечтает о таком предложении! — быстро уверяю его я. — При дворе нет ни одной женщины, которая б не надеялась на то, чтобы вы обратили на нее свое внимание, и я — в их числе. Но я недостойна!

Похоже, я нашла правильное объяснение, и он успокоился.

— Мне не верится, что мои мечты все же сбылись, — продолжаю я. — Единственное, для чего мне необходимо время, так только чтобы осознать всю глубину нашедшей меня удачи и счастья! Это просто чудо, как в сказке!

Он кивает в ответ. Он обожает сказки, с тайнами, маскарадами и актерами, да и вообще всякого рода представления.

— Я вас спас, — объявляет он. — И вознесу вас из ничтожества к самым высоким вершинам мира.

Его голос, глубокий и уверенный, его тон, умасленный лучшими винами и самыми жирными кусками со стола этой жизни, манит и обволакивает. Но острый пытливый взгляд маленьких глаз говорит, что он меня испытывает.

Я заставляю себя посмотреть в его пронизательные глаза, почти не видные за пухлыми веками. Нет, ему не удастся вознести меня из ничтожества — я была рождена под фамилией Парр в

замке Кендал, а мой недавно умерший муж был Невиллом, а эти две семьи хорошо известны и признаны в Северной Англии. Правда, едва ли он там бывал.

— Мне необходимо время, совсем немного, — настаиваю я. — Чтобы проникнуться всей непостижимой глубиной моего счастья.

Его пухлая рука чуть поднимается в жесте, говорящем, что у меня есть сколько угодно времени. Я склоняюсь в поклоне и, пятясь, отхожу от карточного столика, куда меня потребовали, чтобы сделать самое лестное предложение, на которое может рассчитывать женщина, за лучшим шансом, который может подарить жизнь. Поворачиваться спиной к королю запрещает закон, но некоторые придворные шутят, что в интересах любого из них всегда стоять к королю лицом. Шесть шагов в сторону длинной галереи, в которую прорывалось весеннее солнце сквозь высокие стрельчатые окна, пока его лучи не пали на мою скромно склоненную голову; затем я снова кланяюсь и лишь тогда опускаю глаза. Выпрямляясь и снова глядя на него, я вижу, что он по-прежнему смотрит на меня с торжествующей улыбкой и все, кто находится рядом с ним, не сводят с меня глаз. Я заставляю себя улыбнуться, делаю шаг к двери, ведущей в его приемные покои, и скрываюсь за ней. Стражники распахивают предо мною и закрывают двери, которые наконец скрывают меня от его взгляда. Я окунаюсь в гомон людей, осужденных от чести королевского присутствия, снова кланяюсь на пороге, все это время осознавая, что великий король наблюдает за тем, как я ухожу от него, и прихожу в себя от стука алебард королевских стражников.

На мгновение я так и замираю перед резными деревянными дверями, не находя в себе силы обернуться и встретить любопытствующие взгляды придворных, собравшихся в этой комнате. Теперь, когда нас разделяют эти толстые двери, я понимаю, что вся дрожу, от ладоней до колен, словно во время приступа сильнейшего жара, как зайчонок в поле, слышащий, как его окружают крики и бряцанье оружия приближающейся охотничьей партии.

* * *

Дворец засыпает далеко за полночь, и я набрасываю на свой ночной наряд черного шелка темный плащ с капюшоном, и сама, подобная ночной тени, выскальзываю из женской половины своих комнат в сторону парадной лестницы. Меня никто

не видит, но, даже если я и попадусь кому-то на глаза, меня скроет от их любопытства наброшенный на голову капюшон. В этом месте годами торговали любовью, поэтому никто не обратит внимания на женщину, забредшую не в свои комнаты после полуночи.

Возле дверей, ведущих в покои моего возлюбленного, нет охраны. Они не заперты, как он и обещал. Я берусь за ручку и проскальзываю внутрь. Он там, ждет меня в совершенно пустой комнате возле камина, освещенный только светом огня от поленьев и зажженных свечей. Он высок и строен, обладатель темных волос и темных глаз. Услышав мои шаги, он оборачивается, и его мрачное лицо оживает от страсти. Он хватается за меня, прижимает мою голову к своей груди, крепко обнимая меня. Не произнеся ни слова, я только крепче прижимаюсь к нему, словно стараясь спрятаться в нем, нырнуть под его кожу. Пару мгновений мы так и стоим, прижавшись друг к другу и покачиваясь, словно никак не можем насытиться прикосновением друг к другу, запахом наших тел. Он подхватывает меня под ягодицы, я обвиваю его ногами. Я умираю от желания. Он пинком открывает дверь в свою спальню, вносит меня туда, так же сапогом захлопывает ее и укладывает меня на кровать. Сбрасывает брюки и рубаху на пол, в то время как я распахиваю свой плащ и платье. Прижимает меня к себе и входит, в полной тишине, не произнеся ни единого слова, лишь испустив глубокий вдох, словно задержал дыхание на весь день до этого момента. И только тогда я выдыхаю над его обнаженным плечом:

— О, Томас, люби меня всю ночь. Я не хочу сегодня ни о чем думать.

Он приподнимается надо мной, чтобы увидеть мое бледное лицо и разметавшиеся по подушке бронзовые волосы.

— Господи, я без ума от тебя! — восклицает он, на его лице отражается напряжение, и в темных глазах полыхает огонь желания, когда он начинает двигаться во мне.

Я лишь крепче обвиваю его ногами, мое дыхание сбивается, и я острее, чем когда бы то ни было, осознаю, что нахожусь с единственным любовником, который мог доставить мне удовольствие, и в единственном месте, где чувствую себя в безопасности: в теплой постели Томаса Сеймура.

Перед самым рассветом он наливает мне вина из кувшина, стоявшего на прикроватном столике, и угощает меня сушеным черносливом и печеньем. Я принимаю бокал с вином и надкусываю печенье, стараясь поймать крошки в подставленную ладонь.

— Он предложил мне выйти за него замуж, — коротко говорю я.

Томас быстрым движением прикрывает глаза рукой, словно не может смотреть на меня, сидящую на его кровати с рассыпавшимися по плечам волосами и прикрывшую грудь его простынями, с алеющими на шее следами от его поцелуев и припухшими губами.

— Господи, помилуй... Господи, спаси и сохрани нас!

— Я не поверила своим ушам.

— С кем он говорил? С твоим братом? С твоим дядюшкой?

— Нет, прямо со мною. Вчера.

— Ты кому-то еще об этом говорила?

— Еще нет. — Я качаю головой. — Тебе я говорю об этом первому.

— Что ты будешь делать?

— А что я могу сделать? Я повинуюсь, — мрачно ответила я.

— Нет, ты не можешь этого сделать, — внезапно выпаливает Томас. Бросившись ко мне, он берет меня за руки, не обращая внимания на крошки на ладони. Он встает на колени возле постели и целует мои пальцы, как сделал это, когда впервые сказал о том, что любит меня, что станет моим любовником, моим мужем, и только смерть разлучит нас. Он говорил, что я была единственной женщиной, которую он так страстно желал за всю свою жизнь, — а в ней было много любовниц, шлюх и служанок, которых он уже даже не помнил. — Екатерина, слышишь, ты не можешь этого сделать! Я не вынесу этого! Я этого не позволю!

— Я не вижу способа этого избежать.

— Что ты ему ответила?

— Что мне нужно время, что я должна помолиться и подумать.

Он кладет мою руку на свой плоский живот. Под пальцами я чувствую живое тепло его плоти, и завитки волос, и мышцы, перекачивающиеся под кожей.

— Так вот что ты делала этой ночью? Молилась?

— Нет, я поклонялась, — прошептала я.

Томас наклоняется и целует меня в макушку.

— Богохульница... А что, если сказать ему, что ты уже помолвлена? Что ты уже тайно повенчана с другим мужчиной?

— С тобой? — прямо спрашиваю его я.

И он принимает этот вызов, потому что он отважен. Томас всегда идет навстречу любому риску или опасности, как будто это всего лишь игра или он — единственный человек, способный защитить мир от смертельной опасности.

— Да, со мной, — отвечает он. — Разумеется, со мной. Разумеется, мы должны венчаться. Мы можем сказать, что уже женаты!

Мне очень хотелось услышать от него эти слова, но я не посмею воспользоваться ими.

— Я не могу ему не подчиниться... — Мой голос ломается от мысли, что мне придется оставить Томаса. Я чувствую, как по щекам текут жаркие слезы. Тогда я опускаю лицо и вытираю слезы простыней. — Боже всемилостивый, не оставь меня! Мне нельзя будет даже просто видеться с тобой!

Томас поражен этой мыслью. Он откидывается назад, сев на пятки, и кровать под ним тихо скрипит.

— Этого не может быть. Ты только что обрела свободу. Мы встречались с тобою не больше полудюжины раз, я только собирался просить твоей руки! Я медлил только из уважения к твоему вдовьему трауру!

— Я должна была обратить внимание на признаки. Он присылал мне красивые отрезки на платья, настаивал на том, чтобы я прервала траур и вернулась ко двору... Он всегда приходил ко мне в комнаты леди Марии и всегда за мной наблюдал.

— Я думал, он просто флиртовал. Не ты одна не придавала этому значения. Ведь кроме тебя есть Кэтрин Брэндон и Мэри Говард... я и подумать не мог, что он настроен серьезно.

— Он благоволит к моему брату куда больше, чем тот заслуживает. Видит Бог, Уильям был назначен смотрителем границы не за свои выдающиеся способности.

— Да он в отцы тебе годится!

Я горько улыбаюсь:

— Кто же из мужей откажется от молодой невесты? Знаешь, мне кажется, он положил на меня глаз еще до смерти моего мужа, упокой Всевышний его душу.

— Я так и знал! — Томас со всего размаху бьет по столбу, поддерживающему полог кровати. — Я так и знал! Я видел, с каким

выражением он следил за тобою, когда ты проходила мимо. Я видел, как он отправлял тебе то такое угощение, то сякое, когда вы были за столом, и как облизывал ложку своим мерзким языком, если ты пробовала это блюдо... Мне невыносима мысль о том, что ты окажешься с ним в одной постели и он будет творить с тобой все, что захочет.

Я чувствую, как у меня перехватывает горло, и стараюсь сглотнуть, чтобы справиться со страхом.

— Я тоже об этом думаю. Мне страшно. Этот брак будет гораздо хуже, чем его ухаживания. Сейчас-то все похоже на дурную пьесу с неумелыми актерами и мной в одной из ролей. Только я вот не знаю своей партии. Как же мне страшно... Господи, Томас, я и сказать тебе не могу, как мне страшно! Последняя королева, она... — И голос меня подводит. Я не могу назвать ее имени. Екатерина Говард погибла, обезглавленная за прелюбодеяние, всего лишь год назад.

— Не бойся этого, — утешает меня Томас. — Тебя тогда здесь не было, ты не знаешь, что за женщина была эта Екатерина Говард. Она сама себя погубила. Он никогда не причинил бы ей зла, если бы она не вызвала его гнев сама. Она была настоящей шлюхой.

— А как ты думаешь, кем сочтет он меня, увидев вот в таком виде?

Между нами повисает натянутая тишина. Он смотрит на мои руки, которыми я обхватила колени. Я начинаю дрожать. Томас приближает меня за плечи и чувствует мою дрожь. Он выглядит потрясенным, словно мы только что услышали свои смертные приговоры.

— Он не должен тебя в этом заподозрить, — говорит Томас, кивая на камин и освещенную свечами комнату, вместе с кроватью и смятыми на ней простынями, источающими предательский аромат ночи страсти. — Если он когда-либо спросит у тебя об этом — отрицай все. Я тоже все буду отрицать, клянусь тебе. Он не должен услышать о нас ничего, даже отдаленной сплетни. Даю тебе слово, что от меня он о нас не узнает. Мы с тобой никогда не будем об этом говорить. Никому. Мы не дадим ему ни малейшего повода для подозрений, мы поклянемся все хранить в тайне.

— Даю слово. Я ничего не скажу, даже если меня будут пытаться на дыбе.

— Дворян на дыбе не пытаются, — мягко улыбается Томас и обнимает меня с огромной нежностью. Затем укладывает меня на

кровать, укутывая меховым покрывалом и ложится рядом со мною, опирая голову на руку так, чтобы видеть меня.

Кончики его пальцев скользят от мокрой от слез щеки, по шее, к груди, по животу и бедрам, словно он старался запомнить мое тело, со всеми подробностями, чтобы никогда его не забыть. Потом опускает лицо к моей шее и глубоко вдыхает запах моих волос.

— Это наше прощание? — спрашивает он, касаясь губами моей кожи. — Ты ведь уже все решила, маленькая упрямая северянка... Ты уже все для себя решила, сама. И пришла только для того, чтобы попрощаться...

Конечно, это было прощание.

— Кажется, я умру, если ты меня бросишь, — предупреждает меня он.

— Ну, мы оба умрем, причем наверняка, если я этого не сделаю, — сухо отвечаю я.

— Да уж, как всегда, не в бровь, а в глаз.

— Я не хочу лгать тебе, особенно сегодня. Мне придется провести всю свою оставшуюся жизнь во лжи.

Томас внимательно рассматривает мое лицо.

— Ты очень красива, когда плачешь, — замечает он. — Особенно когда плачешь.

Я кладу руки ему на грудь и ощущаю под пальцами тугие мышцы и шелковистые темные волосы. На плече у него остался шрам от давнего ранения мечом. Я пробежала по нему кончиками пальцев, стараясь запомнить как можно точнее, навсегда.

— Не позволяй ему видеть, как ты плачешь, — шепчет он. — Ему это понравится.

Я провожу рукой по его плечу, ключице. Его теплая кожа и аромат недавней ночи любви не дают мне погрузиться в ужас перед ожидающим меня испытанием с головой.

— Я должна уйти отсюда до рассвета, — говорю я, бросая взгляд на закрытое ставнями окно. — У нас осталось совсем немного времени.

Томас прекрасно понимает, о чем я думаю.

— Ты хочешь так попрощаться со мною? — Мягким движением он прижимает свое упругое бедро к моей плоти, и это прикосновение отзывается восходящей дрожью в моем теле. — Вот так?

— Да, так, провинциально, — шепчу я, и он смеется в ответ.

Томас перекачивается на постели вместе со мною так, что оказывается на спине, а я вытягиваюсь сверху, вдоль его теплого гибкого тела. Я сама буду управлять нашим последним актом любви. Я выгибаюсь и чувствую, как по нему пробегает дрожь желания, и тогда я подтягиваю ноги, опираюсь руками на его грудь и опускаюсь на него, замирая лишь на волосок от его возбужденной плоти. Я смотрю в его темные глаза и жду, пока он не взмолится.

— Екатерина! — стонет Томас, и тогда я опускаюсь на него.

Он втягивает в себя воздух и закрывает глаза, раскинув руки так, словно распят на этом удовольствии. Сначала мои движения медленны и плавны, я поглощена его наслаждением и стараюсь растянуть его как можно дольше. Однако вскоре я ощущаю, как во мне разгорается пламя и меня охватывает такое знакомое нетерпение. Во мне больше нет ни сомнений, ни воли, чтобы остановиться, и вот меня подхватывает волна, на пике которой я зову его, выкликаю его имя, и по моим щекам текут слезы. Сначала — слезы радости, любви и страсти, а затем — осознания огромной утраты, которая настигнет меня утром.

* * *

В часовне на утренней службе я преклоняю колени рядом со своей сестрою Нэн в окружении фрейлин дочери короля, принцессы Марии. Сама леди Мария молча молилась в своем собственном богато украшенном аналое и слышать нас не могла.

— Нэн, мне надо тебе кое-что сказать, — тихо произношу я.

— Король заговорил? — только уточнила она.

— Да.

У нее сбивается дыхание, и она находит мою руку и сжимает ее в своей. Мы стоим бок о бок с закрытыми глазами, как когда-то в детстве, в домашней церкви в Кендале, графстве Уэстморленд, когда наша мать читала молитвы на латыни, а мы ей хором отвечали. Как только долгая служба заканчивается, леди Мария поднимается на ноги и выходит, а мы следуем за ней.

На улице царит чудесное весеннее утро. Дома в эту пору уже начинали распахивать поля, и небеса звенели от криков куликов и посвиста молодых пахарей.

— Давайте прогуляемся в саду перед завтраком, — предлагает леди Мария, и мы спускаемся за нею по ступеням в небольшой

уединенный садик, мимо стражников, которые встают по стойке «смирно» и потом отступают, пропуская нас вперед. Нэн, выросшая при дворе, тут же пользуется выпавшей возможностью и берет меня за руку, чтобы увлечь в самый хвост следовавшей за принцессой свиты. Мы незаметно сходим на бегущую в сторону тропинку, и, когда нас уже никто не слышит, она наконец поворачивается ко мне. Ее бледное лицо так же напряжено, как мое, медно-рыжие волосы убраны под капюшон, открывая такие же, как у меня, серые глаза. И только сейчас она позволяет волнению проступить румянцем на щеках.

— Да смилуется Господь над тобою, сестра! Да помилует он всех нас! Какой великий день для Парров! Что ты ему сказала?

— Попросила времени осознать всю необъятность своей радости, — сухо ответила я.

— Как думаешь, сколько у тебя еще времени?

— Может, пара недель...

— Он очень нетерпелив, — предупреждает она.

— Я знаю.

— Лучше поторопись и прими предложение поскорее.

Я вздрагиваю.

— Приму. Я знаю, что мне придется выйти за него. У меня нет выбора.

— Как его жена, ты станешь королевой Англии, ты будешь управлять рогом изобилия! — воркует она. — И удача выпадет на долю всех нас.

— Да, вопрос о благополучии семьи снова вышел на передний план, как лучшая телка на фермерском рынке. Это уже третьи торги.

— Ну, Кейт!.. Это же не просто какое-то замужество, которое для тебя подобрали! Это же самый лучший шанс, который может выпасть женщине в жизни! Это же лучшая партия в Англии! Да во всем мире!

— Ну да, лучшая, пока она в силе. Пока живы супруги.

Она быстро оглядывается, затем быстро берет меня под руку, чтобы мы могли прогуливаться и перешептываться, склонив головы друг к другу.

— Я знаю, ты боишься, но это может продлиться не так уж долго. Он очень болен. И очень стар. А потом, когда все кончится, у тебя останется титул и наследство. А мужа не будет.

Я только что похоронила мужа, которому было сорок девять лет, а королю сейчас пятьдесят один. Он, конечно, старик, но это не мешает ему прожить до шестидесяти. У него лучшие лекари и знахари, и он бережется от недугов, словно дитя малое. Он не ходит со своими войсками в походы и битвы, а от поединков отказался уже несколько лет назад. Он уже похоронил четырех жен, так что может ему помешать похоронить пятую?

— Может, я его и переживу, — уступаю я, приблизив губы почти к самому ее уху. — Но как надолго хватило Екатерины Говард?

Сестра качает головой, недовольная моим сравнением.

— Эта девка? Да она предала его и оказалась достаточно глупой, чтобы дать себя поймать на этом. Ты этого не сделаешь.

— Это не имеет значения, — говорю я, внезапно устав от всех этих подсчетов. — У меня в любом случае нет выбора. Так сложилась судьба.

— Не надо так говорить. Это Божья воля! — поправляет она меня с неожиданным энтузиазмом. — Только подумай, что ты могла бы сделать как королева Англии! Подумай о том, что бы ты могла для нас сделать!

Моя сестра — страстная поборница реформ английской Церкви, перемен, которые из папства без папы превратят ее в общину, основанную на библейских истинах. Подобно многим в этой стране — и кто знает, как велико их количество! — она страстно желает, чтобы королевские реформы Церкви продолжались до тех пор, пока мы полностью не избавимся от предрассудков.

— Нэн, ты же знаешь, что я в это не верю... Да и вообще, с чего бы ему меня слушать?

— Потому что поначалу он всегда прислушивается к своим женам. А нам просто необходим заступник и ходатай. Двор в ужасе от епископа Гардинера. Он даже допрашивал домочадцев леди Марии! Мне пришлось спрятать свои книги. Нам необходима королева, которая защитила бы реформаторов.

— Это не ко мне, — вяло отмахиваюсь я. — Меня это совершенно не интересует, и я не собираюсь делать вид, что это не так. Я чудесным образом исцелилась от веры, когда паписты пригрозили поджечь мой замок.

— Да, это на них похоже. Они готовы сыпать горящие уголья на гроб поборника Ричарда только для того, чтобы продемонстриро-